

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.М. Плискевич

старший научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РУБЦЫ В «ПОГРАНИЧНЫХ» ОБЩЕСТВАХ (Часть 2. Институциональные рубцы в истории российской трансформации и изменения ценностных ориентаций)

Аннотация. В статье анализируются последствия одной из стратегий догоняющего развития — попытки наверстать отставание с помощью модернизационных рывков мобилизационного типа. В результате, если в какой-то степени преодолевается отставание в технологической области, то сопутствующие ему институциональные и особенно культурные преобразования, как требующие глубоких изменений в социальной сфере и большего времени, неизбежно запаздывают. Потому внедряемые институты, попавшие в чуждую им среду, искажаются, более того, в ходе своей деформации приобретают свойства, позволяющие укреплять старую институциональную систему. В институциональной ткани общества образуются институциональные рубцы, незнакомые странам эволюционного развития и требующие особого внимания в ходе дальнейших попыток модернизации. В первой части работы (ВТЭ, 2022. №3) показано, что для таких стран, как Россия, в процессе формирования институциональных рубцов важную роль приобретает само их положение как «пограничных» между цивилизационными образованиями разных типов. Во второй части приводятся примеры формирования институциональных рубцов в многовековой истории России. Рассматриваются проблемы современной российской институциональной среды в связи с эволюцией ценностных ориентаций россиян на основе данных Европейского социального исследования. Показано, что ценностная структура России последних десятилетий существенно меняется. Она, с одной стороны, вписывается в общеевропейскую ценностную картину, но с другой — проводимая политика и подкрепляющие её институты способствуют не только размыванию социально ориентированных ценностей, но и увеличению доли носителей индивидуализма, причём агрессивного адаптационного, а не созидательного как основной части ценностей, подкрепляющих экономический рост.

Ключевые слова: институциональная структура, институциональный рубец, «пограничная» цивилизация, модернизация, мобилизационный рывок, общество, ценностная структура, человеческий потенциал.

JEL: A12, A13, B00, B15, B52.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_60_82.

Успешность модернизационных преобразований в обществах «догоняющего развития» зависит прежде всего от людей (причём представляющих не только «верхи», но и «низы»), увидевших в них путь к качественному улучшению своего положения. А это обусловлено и состоянием институциональной среды; тем, насколько в предшествующий период удалось «размягчить» жёсткость институциональных структур «порядков ограниченного доступа» [Яковлев, 2020], а также эволюцией, проделанной ценностной системой, её направлением, появлением новых приоритетов. В этом процессе важно, чтобы изменения как институтов, так и ценностей поддерживали друг друга вне зависимости от того, изменения в какой сфере стали первоисточником.

Поэтому представляется непродуктивной развернувшаяся в 2010-х гг. полемика между рядом ведущих экономистов-институционалистов и исследователями культуры и ценностей о первичности именно их исследовательского компонента в системе изучения модернизационных процессов. Наибольший интерес в последние годы вызвала полемика между такими видными теоретиками обоих направлений, как Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон, с одной стороны, и Р. Инглхарт и К. Вельцель — с другой. Если первые чётко придерживаются принципа первичности в истории экономического развития разных стран институтов двух типов — экстрактивных и инклюзивных [Аджемоглу, Робинсон, 2016], то вторые полагают, что источник институциональных изменений следует искать в эволюции ценностных представлений членов того или иного сообщества [Вельцель, 2017; Инглхарт, 2018].

Нельзя не отметить глубокую критику данной полемики в работах В.М. Полтеровича [Полтерович, 2018а; Полтерович, 2018b]. В ней выделены как сильные, так и слабые стороны рассуждений представителей обоих направлений. По сути, основную причину слабости анализа как тех, так и других Полтерович видит в абсолютизации именно своего направления, в то время как и институты, и ценности встроены в гораздо более богатый и разнообразный социокультурный контекст. В частности, представляется справедливым упрёк К. Вельцеля, утверждающего, что институты — лишь «результат, а не причина» [Вельцель, 2017. С.17], что обедняет его собственный качественный анализ, а потому и методологию количественных исследований [Полтерович, 2018а. С. 18–19].

Разумеется, история многих стран даёт примеры того, как под воздействием ценностных изменений либо всего общества, либо его властной элиты менялась институциональная структура. Но есть и обратные примеры того, как в ходе исторического развития сами потребности общества диктовали необходимость эволюционных изменений сначала неформальных, а затем и формальных институтов. И только потом, под воздействием изменившихся условий жизни начинали меняться и ценностные представления достаточно широких кругов такого общества, поддерживая и укрепляя идущие институциональные изменения. Такие ситуации возникают, например, когда элиты всерьёз настроены на глубокое реформирование общества и выстраивают новую институциональную структуру, направленную на поддержание благосостояния не только «верхов», но и всех слоев общества. И наоборот, консервация старых институтов, их укрепление с помощью извращённо применяемых новых институтов (что и формирует институциональные рубцы [Плискевич, 2022]) тормозит ценностные изменения. То есть для успеха реформ, ослабления сопротивления им важно изучать ценностные предпочтения масс, включать в стратегию реформ методы воздействия на их эволюцию в нужную подлинным реформаторам сторону с помощью формирования институциональной системы, способствующей укоренению в обществе ценностных предпочтений, адекватных целям модернизации.

Поэтому важно преодоление границ в исследованиях не только институциональных и ценностных аспектов жизни общества, но также и акцента на анализе ценностей и мотивационного поведения «верхов» при пренебрежении тем, что творится в «низах». На это, в частности, указывал Р. Инглхарт также в полемике с видными исследователями-инсти-

туционалистами. Он особо отмечал, что «недостаточно фокусироваться только на элитах (в чём Инглхарт упрекает Д.Аджемоглу и Д.Робинсона. — Н.П.) — важнее изучать процессы, происходящие на уровне масс» [Инглхарт, 2018. С.195]¹. При этом отмечается парадокс, появившийся в начале процесса посткоммунистической трансформации. Р. Инглхарт пишет: «...борьба в это время в основном сосредоточилась не вокруг экономического перераспределения, а вокруг политической свободы. Поразительно, что демократизация в бывшем коммунистическом мире не была мотивирована массовым запросом на большее экономическое равенство, и власть перешла от элит, делавших акцент на экономическом равенстве, к группам, которые подчёркивали важность экономического равенства в меньшей степени» [Инглхарт, 2018. С.195].

В то же время нельзя не отметить, что пренебрежение процессами имущественного расслоения со стороны новых властей, не способных создать действенные заслоны или для незаконного перераспределения собственности, или для её перераспределения «на грани» закона, ухудшение положения большинства населения, неизбежно связанное с реформированием, быстро привели к изменению общественных настроений. Если ранее население связывало причины своего неудовлетворительного положения со старыми порядками, то с началом реформ в глазах большинства основной причиной всех бед стали действия реформаторов. В целом различие результатов реформ в постсоциалистических странах коррелирует со степенью укоренённости прореформенного ценностного компонента в массовых слоях. Там, где он был достаточно силён, люди смогли перенести трудности самого сложного, первого, этапа реформ и перейти к дальнейшему их развитию. В случаях же слабости ценностных предпосылок фактор экономических тягот и связанных с реформами структурных и социальных изменений в жизни общества происходил резкий поворот в массовых настроениях к контрреформенному. Это вынуждало даже реформистски настроенные власти тормозить все процессы, что в итоге обычно приводило к их консервации, как правило, в ситуации, наиболее удобной для группы «промежуточных выгодоприобретателей» [Hellman, 1998].

Из всего этого можно сделать вывод, что при анализе предреформенной ситуации и разработке программы предстоящих реформ, как и в случае концентрации внимания лишь на одной составляющей пары «институты — ценности», нельзя ограничиваться исследованием процессов, происходящих в элитных слоях. Особенно в ситуации, когда в обществе запрос на стабильность и на «ценности выживания» (по Инглхарту) начинает сменяться запросом на развитие, массовой неудовлетворённостью существующими порядками. То есть для определения подготовленности общества к переменам важно учитывать не только «пороговые условия для элит», но и «пороговые условия для общества» [Плискевич, 2013].

Работа Д.Норта, Дж. Уоллиса и Б.Вайнгаста также рассматривается обычно с чисто институционалистских позиций, хотя и в своих более ранних работах Норт обращал внимание на ценностный аспект проблемы, на влияние общекультурного контекста на институциональную структуру, в частности, на обусловленное и этим соотношение формальных и неформальных институтов. Более того, он стремился рассматривать и ценности людей, и институты в единстве. Например, человеческий капитал он трактовал как «объём имеющихся у людей знаний, их убеждения, а также институты, создаваемые ими на основе этих убеждений». Он видел, что «культурное наследие формирует искусственную

¹ Интересно, что в 2000-х гг. Д. Асемоглу (Аджемоглу) и Дж.Робинсон критиковали Д.Норта и его коллег в ограничении анализа борьбой элитных кланов и пренебрежении массами, под давлением которых элиты вынуждены сдавать свои позиции и делиться властью [Acemoglu, Robinson, 2006; Асемоглу, Робинсон, 2011]. На это от Норта и его коллег был получен ответ, что и реформы, осуществляемые под давлением «снизу», также несут в себе фактор внутриэлитных противоречий. Возмущения использовались победителями во вновь складывающихся внутриэлитных коалициях [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011. С.408–410]. Любопытно, что затем в книге о причинах богатства или бедности разных стран Аджемоглу и Робинсон уже концентрируют внимание как раз на элитах и, по сути, пренебрегают изменениями в настроениях масс.

структуру (убеждения, институты, инструменты, технологии), которая играет не только существенную роль в определении тех непосредственных выборов, которые делаются игроками в обществе, но и даёт им ключи к динамическому успеху или поражению обществ во времени. В сущности, чем богаче искусственная структура, тем ниже степень неопределённости процесса принятия решений в некоторый момент времени. В исторической перспективе чем богаче культурный контекст в смысле предоставления возможностей для разнообразных экспериментов и творческой конкуренции, тем больше шансов на успешное выживание имеет общество» [Норт, 2010. С. 79, 61].

Поэтому представляется, что трактовать работу Норта, Уоллиса, Вайнгаста как сугубо институциональную, связанную с эволюцией институциональной системы насилия, значит существенно обеднять её содержание. Не говоря о богатом историческом контексте работы, стоит заметить, что сами сформулированные в ней «пороговые условия» для элит [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011. С. 76] не сводятся к проблеме перестройки институтов. Они предполагают для достижения этих условий определённую ценностную эволюцию элит или, по крайней мере, передовой их части.

Как отмечалось в первой нашей статье, специфика «пограничных» обществ связана с их особой восприимчивостью не только к технологическим, но и, что особенно важно, к идейным веяниям, идущим от соседей. При этом сила влияния разных сопредельных сообществ в ходе истории может резко меняться. В результате в «пограничном» обществе оказываются переплетёнными веяния разных сторон, хотя формирующееся при этом многообразие складывается в особого рода единство, где эти веяния могут сосуществовать. Однако при переходе определённого уровня напряжённости между противостоящими друг другу идеологемами «взаимоупор» (по Аверинцеву) может не выдержать, и тогда происходит революционный взрыв. Такая ситуация ставит особые проблемы в познании процессов осмысления окружающего мира членами этого сообщества — как элитами, так и массами. Этим был озабочен А.С. Ахиезер, особо подчёркивавший важность совершенствования методологии осмысления «познания переходных процессов, в частности, переходных, промежуточных цивилизаций, осмысления современного мира как переходного, процессов, ведущих к возникновению нового качества». Он отмечал, что «динамика культуры происходит между, с одной стороны, углублением, расширением способности человека к осмыслению, развитию медиации², совершенствованию синтеза, поиску меры, что можно рассматривать как развитие культуры, её прогресс, и с другой стороны — архаизацией, т.е. активизацией казалось бы исчезнувших пластов культуры, связанных с ушедшим более простым миром, с антимедиацией, т.е. разрушением достигнутого уровня медиации, что можно рассматривать как регресс» [Ахиезер, 2006. С. 425, 434]. Поэтому учёного постоянно волновали проблемы, возникающие в сфере «между» и их осмысление. В данной же работе для углубления понимания проблем возникновения институциональных рубцов в «пограничном» обществе важно рассмотреть как изменения институциональной структуры России на разных этапах её развития, так и эволюцию ценностной структуры российского общества, особенно в последние годы.

Институциональные рубцы в российском «пограничном» обществе

О том, что Россия давно воспринимается как «пограничное» общество и государство, свидетельствуют, например, такие её характеристики, как Евразия или Азиопа. Это отражается и в общественном сознании. Стоит вспомнить и имеющую историю, выходящую за пределы одного-двух веков, полемику разного рода «западников» и «славянофилов», которая обретала в каждый исторический период особую форму, но не теряла своей сути.

² О понятии «медиация» у А.С.Ахиезера подробнее см. [Ахиезер, 1998].

Правда, нельзя забывать и о том, что в первоначальный период существования общественных систем на Восточно-Европейской равнине на первый план выходили другие координаты — влияние Севера, идущее прежде всего из Скандинавии, и Юга — половецких, тюркских племен. То есть господствовала ось влияния «Север — Юг». В неё, впрочем, вплетались и западные влияния (и через Византию, и через других восточно-европейских соседей), и восточные (не только через связи со степняками, но и через торговлю со странами Востока, через «волжский путь»). Однако в те века сам архаичный уровень развития большинства взаимодействующих стран и во многом близкая картина их институциональной структуры не позволяет говорить, что такие взаимодействия приводили к возникновению особых институциональных заимствований, ведущих к появлению институциональных рубцов в ходе отечественного развития. Можно, конечно, ставить такой вопрос в связи с принятием православия, но в те времена господство на Руси языческих традиций создавало свои проблемы в продвижении новой веры, и, думается, сама ситуация не способствовала существенному внешнему воздействию на институциональную структуру.

Серьёзный удар по ней был нанесён позже в связи с монголо-татарским нашествием. Перенимались привнесённые Ордой институциональные принципы, на базе которых стало складываться Московское государство. (Стоит также отметить, что сами эти принципы властного управления, в свою очередь, были заимствованы монголами из ранее захваченного ими Китая.) Но это влияние, воспринятое прежде всего властными элитами, а также остальным населением, видевшем в складывающейся системе институтов наиболее эффективный способ защиты от сильного врага, стало основой формирования первого институционального рубца в российской истории. Этот рубец прочно встроился в институциональную структуру российского общества.

В течение веков он способствовал сначала формированию, а затем и укреплению такой его черты, как самодержавие. Его укрепление связано с самим историческим контекстом, в котором внешняя сторона была сначала связана с формами сосуществования с внешним врагом — Ордой, а затем с борьбой с ним. Внутренняя же сторона была обусловлена существовавшей параллельно междоусобной борьбой разных княжеств, в которой чем дальше, тем увереннее одерживали верх те, кто более успешно перенимали ордынские властные порядки³.

В то же время нельзя не отметить ещё одну особенность, связанную с формированием российского государства под воздействием внедрённого в его структуру привнесённого институционального фактора (рубца). Наше государство формировалось не «снизу», в результате естественного развития процессов его складывания в обществе в целом — и в «верхах», и в «низах». Многие ныне неразрывно связанные с его спецификой структуры в длившейся не один век ситуации навязывались обществу «сверху» наиболее удачливыми и связанными с Ордой элитными группами. Результатом стали не только линия на укрепление самодержавия, по сути действующая по сей день, но и глубокое отчуждение власти, государства, и общества, а также вызванное этим взаимное недоверие «верхов» и «низов», блокирующее и сегодня многие модернизационные начинания.

Среди особенностей российского общества, веками мешающих его эволюции в сторону модернизации, затрагивающей не только технологические, но и более глубокие социокультурные пласты, помимо самодержавия обычно называют крепостничество. Но если

³ То, что в ходе исторического развития Московского государства, а затем и Российской империи мы имеем дело с глубоким институциональным рубцом, образовавшимся под воздействием привнесённого влияния, а не исконных особенностей местной культуры, говорят многие факты. Это и обычаи и порядки покорённых Московским княжеством земель — от Тверской до Псковской и Новгородской, и долгое существование рядом с Москвией другого государственного образования — Великого княжества Литовского, в значительной степени заселённого культурно родственными славянами, и порядки в пограничных землях, заселённых казаками.

рассматривать историю его развития, вряд ли можно найти тот привнесённый фактор, который изначально способствовал бы в данном случае формированию институционального рубца. Здесь скорее речь может идти о географических особенностях нашей страны, возможностях «раздвижения» её границ и связанном с этим предоставлением вновь осваиваемых земель служилым людям. Эту особенность развития аграрных отношений и, соответственно, форм крепостной зависимости в России, качественно отличавшей её от европейской ситуации, отметил А.А. Аузан. Он писал, что в Европе именно земля, а не человек была редким ресурсом, в России же как раз земельный потенциал стал избыточным ресурсом, а потому было особенно важно закрепить за ним редкий ресурс — человека [Аузан, 2007а. С. 56]. Такая практика была характерна не только для XVI–XVII вв. Она широко использовалась и в XVIII–XIX вв.

В то же время в связи с крепостничеством обращает на себя внимание процесс, который можно охарактеризовать как формирование институционального рубца уже в начале XVIII в. Для петровской мобилизационной модернизации потребовались новые заводы для создания военно-ориентированного производства. Тут нужен был новый тип организации производства, прежде всего в таких отраслях, как металлургия. Но такая организация требует времени. Мобилизационные идеи Петра I опирались на привычные для него принципы крепостничества. Потому с организационной и социальной стороны весь процесс был существенно иным, нежели в странах Запада, даже тех, где главенствовал абсолютизм. И это различие, обусловленное спецификой отечественных крепостнических порядков, равно как и соответствующих им ценностных представлений, органичных и для самих реформаторов, породило качественное различие в процессах формирования промышленного производства на Западе и в России. Об этом также писал А.А. Аузан, подчёркивавший различие в действиях Кольбера во Франции XVII в. и Петра I. Кольбер использовал насилие, «чтобы загнать люмпена в систему наёмного труда». Петр же применял насилие, «чтобы, оставляя крестьян в крепостном состоянии, свести их с традиционного для них земледелия, переместить на другие объекты, приписать к заводам» [Аузан, 2007б. С.417]. То есть, если первоначально отношения крепостничества в России развивались в эволюционном русле с учётом специфики географической ситуации, то начиная с XVIII в. в связи с переносом в страну новых форм производств, не подкреплённых соответствующими им социокультурными изменениями, институциональная структура вынуждена была приспособлять к новым задачам старые институты. В результате образовался новый институциональный рубец, наложивший отпечаток на дальнейший путь развития отечественного промышленного производства.

Если в XIII–XV вв. на нашей «пограничной» территории основное влияние шло с Востока, то в последующие века всё более стали проникать веяния с Запада. Начали налаживаться торговые связи, западные военные новинки помогали в борьбе с восточными соседями. В крупных центрах формировались «немецкие слободы». К тому же с этого периода Московское царство, с одной стороны, начинает ощущать для себя большую военную угрозу уже не с Востока, а с Запада, а с другой — и само осуществляет экспансионистские планы уже в западном направлении. Это обусловило начало импорта институтов из западных государств, который уже тогда осложнялся зависимостью от предшествующего развития. Данные процессы Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов характеризуют так: «С одной стороны, с XVII в. политическая элита России систематически (хотя и с «откатами») предпринимала попытки капиталистической модернизации, ориентируясь на институты Западной Европы. С другой стороны, сильная зависимость от институтов власти-собственности ограничивала возможности реформирования, генерировала противоречивое сочетание и прозападных, и провосточных тенденций» [Латов, Нуреев, 2017. С.29].

И хотя провосточные институты, образующие систему власти-собственности, господствовали и, более того, в их поддержании были заинтересованы властные элиты,

на первый план всё более выдвигались задачи военного соревнования с западными соседями. Это заставляло заимствовать и западные технические новинки, и элементы образа жизни, которые в условиях «пограничья» достаточно легко (хотя и крайне выборочно) усваивались. В.О. Ключевский, в частности, отмечал: «Мы видели частичные нововведения и среди них заимствования с Запада при деде, отце, старшем брате и сестре Петра. Ещё важнее, что уже до Петра начертана была довольно цельная преобразовательная программа, во многом совпадавшая с реформами Петра, во многом шедшая дальше её». Важно также, что над этой программой «думали умы нового склада, успевшие вырваться из древнерусского круга понятий» [Ключевский, лекция 68]. С точки зрения В.О. Ключевского, весь XVII в. был эпохой, подготавливавшей петровские преобразования, когда многие выдающиеся умы «не только создали атмосферу, в которой вырос и дышал преобразователь, но и начертали программу его деятельности, в некоторых отношениях шедшую дальше того, что он сделал» [Ключевский, лекция 58; Плискевич, 2016].

Такие размышления, более того — намётки конкретных действий с учётом особенностей российской цивилизации как «промежуточной», дают основание предположить, что при плавном эволюционном развитии влияние на неё западных ценностей и институтов постепенно возрастало бы, а институциональный рубец восточного происхождения стал бы постепенно рассасываться. Хотя, конечно, история не имеет сослагательного наклонения, а указанные прозападные тенденции, без сомнения, сталкивались бы с жёстким противостоянием им носителей провосточных тенденций. Но, как показывает наша же история, попытка внедрения новых институтов в ходе мобилизационного модернизационного рывка не только не ослабляет старые рубцы и присущие им неэффективные связи, но накладывает на них новые рубцы. Это и деформирует вновь внедряемые институты, и парадоксальным образом укрепляет сложившуюся институциональную структуру с вросшими в неё старыми институциональными рубцами. По сути, стратегия мобилизационного реформирования и в истории, и в наши дни не соответствует требованиям общей теории реформ, предложенной В.М. Полтеровичем. А Е.В. Балацкий особо подчёркивает, что «именно насильственный характер всех реформ лежит в основе их влияния на культурные коды и формирование социальных издержек реформ» [Балацкий, 2021. С. 107]. В результате, когда мобилизационный импульс выдыхается, общество получает институты, деформированные в ходе их внедрения и общей социокультурной основой, и интересами тех «промежуточных выгодоприобретателей», оказавшихся во главе преобразований и поощрявших те искажения, которые способствовали перераспределению богатств страны в их пользу.

И если сегодня анализировать петровские реформы, то нельзя не признать, что, с одной стороны, они ознаменовали резкий поворот страны к Западу, его военно-техническим и организационным достижениям, внедрение прежде всего в дворянский и городской быт форм жизни, сходных с западными образцами. Но с другой стороны, мобилизационные петровские преобразования не могли не опираться на традиционалистский институциональный и культурный фундамент, и прежде всего на те институты, которые служили его основой, — самодержавие и крепостничество. Возник парадокс: институты, которые как раз сдерживали развитие общества, стали использоваться для его принудительного ускорения. А так как в подобной ситуации старый институт должен быть укреплен и к тому же ему желательно было придать новую форму, то в его теле образовывался новый институциональный рубец.

В российской ситуации периода петровских реформ таким новым институциональным рубцом можно признать укрепление самодержавной власти заимствованными с Запада моделями бюрократического управления. По мнению исследователя различных форм бюрократических систем управления А.В. Оболонского, «Петр I “обогатил” отечественную “почвенную” традицию необузданного деспотизма властью имущих рационализаторскими механизмами деспотизма западного. Идеалом его было, как он сам выражался, регулярное — правильное — государство. Идеал “регулярного государства” вначале имел

известные резоны, но очень скоро породил одно из основных зол и вместе с тем основных черт русской жизни — бюрократию» [Оболонский, 1997. С. 66].

Такое «укрепление» механизмов самодержавия ещё больше расширяло пропасть между государством и обществом, усиливало их взаимное недоверие. Созданное Петром государственное устройство, хотя и надёжно защищалось системой законов, указов, приказов, само их обилие парадоксальным образом оборачивалось хаосом, в котором чиновник мог успешно лавировать, используя данные ему полномочия в своих интересах. А это — свидетельство слабости государства, хотя внешне, как кажется, самодержавное государство должно олицетворять силу. Но не случайно с давних времён о нём (равно как и о наследовавшем самодержавию советском государстве) говорилось, что здесь «строгость законов компенсируется необязательностью их исполнения». Тут мы видим ещё один парадокс сложившихся как следствие нового институционального рубца порядков, при которых *de facto* прерогативы «самодержавной власти» оказываются перехвачены чиновниками. Это нашло свое отражение и в языке. Как отмечает Ю.М. Лотман: «Слово “чин”, по сути дела, разошлось в значении с древнерусским “порядок”, ибо подразумевал упорядоченность не реальную, а бумажную, условно-бюрократическую» [Лотман, 1994].

Советский срыв процессов эволюционного развития России породил условия для формирования нового институционального рубца. Причём его корни стоит искать в использовании не только уже укоренившейся в ходе многовекового развития институциональной специфики системы, но и институтов западного происхождения, сформированных в условиях Первой мировой войны, равно как и западной же по происхождению марксистской идеологии. Об этом свидетельствуют, в частности, предреволюционные работы В.И. Ленина, который строил новое государство согласно сложившимся в тот период представлениям о государственно-монополистическом капитализме как полнейшей материальной подготовке социализма. Этот дополнительный рубец на институциональном каркасе страны, связанный прежде всего с практически полным обобществлением собственности на средства производства, по сути, углублял воспринятое ранее восточное влияние, хотя его строители использовали для этого идеи и методы, привнесённые с Запада, пусть и проявившиеся там в экстремальных военных условиях.

Основу советской экономической конструкции составляла так называемая «общенародная (государственная) собственность» на средства производства, как она именовалась и в Конституции СССР, и во всех официальных документах. В этой собственности как проявлении нового институционального рубца воплотилось предельное сращение власти и собственности, отчуждение всех членов общества от средств производства (включая и так называемую номенклатуру, которая, хотя и обладала некоторыми полномочиями по распоряжению и пользованию собственностью, но не владела ею) и переход всех прав собственности к некой надличностной властной структуре — партии-государству. Неслучайно учёные так и не смогли чётко определить, кто является истинным собственником средств производства. В работах последних социалистических и постсоциалистических лет эта собственность называлась то «государственной», но не «общенародной» [Кузьминов, Набиуллина, Радаев, Субботина, 1988], то просто «ничьей» [Ясин, 2002; Экономические субъекты...2003; Грегори, 2008], то собственностью номенклатуры [Восленский, 1991], то ей давались разные характеристики в зависимости от угла зрения, под которым проводился анализ [Корнаи, 2000] — подробнее: [Плискевич, 2006. С. 71–74].

Такую неопределённость можно объяснить тем, что само появление данного варианта собственности являлось новым институциональным рубцом, причём наложенным на институциональную конструкцию, уже осложнённую предшествующими рубцами. Важно, что «общенародная (государственная) собственность», если и давала какие-то преимущества функционированию экономики в экстремальных мобилизационных условиях (причём для её поддержания требовались столь противоречивые «стимулы», как энтузиазм

и страх), то с ослаблением экстремальности ситуации её эффективность резко снижалась. Это выразалось и в падении темпов роста экономики, и в резком росте так называемого «незавершенного строительства», и в катастрофическом отставании от потребностей населения производства предметов потребления и сферы услуг. Последнее породило ещё один институциональный рубец на теле советской хозяйственной структуры — теньевую экономику. Её развитие, хотя и покрывало существенную часть потребностей населения, тем самым смягчая общую социально-экономическую ситуацию, одновременно порождало не только у включённых в неё, но и у тех, связанных с ней «легальных» хозяйственников и части представителей силовых структур особую деловую культуру. Она строилась именно на неформальных теньевых отношениях и уклонении от всяких обязательств перед государством. Впоследствии носители этой этики в немалой степени способствовали созданию проблем у постсоциалистического государства.

Общему кризису системы способствовало и то, что во второй половине XX в. активизировались процессы, названные тогда научно-технической революцией. СССР стремился быть в авангарде технологических изменений. Однако *de facto* это удавалось реализовывать в достаточно узкой области, связанной в первую очередь с разработками в военно-технической и, как производной от нее, сфере освоения космоса. (Хотя и в этой сфере такой, например, институционально закреплённый показатель, как «план по валу», блокировал попытки инноваций, так как от выполнения этого показателя зависело благополучие и предприятия в целом, и его работников, а качественная модернизация обычно связана с временной приостановкой производства, чему директора, да и весь коллектив всячески противились).

В то же время иные области производства всё более отставали от передовых образцов. А так как со многими из них была связана и приоритетная — военно-техническая — сфера, то и она всё больше ощущала проблемы, вытекающие из общей структурной разбалансированности экономики. Свою лепту в углубление кризиса вносил и всё более значительный отход от уже упомянутого принципа соответствия. Старые институциональные структуры и соответствующий им социокультурный уровень становились тормозом экономического развития, блокиратором на пути возможных технологических прорывов.

Возникла проблема необходимости демонтажа старой системы, и в частности ликвидации встроенных в неё долголетних институциональных рубцов. Требовалась чёткая экономическая политика, основанная на осознании того, какие дефекты институциональной структуры необходимо ликвидировать или, по крайней мере, смягчить. Важно, чтобы у государства, вступившего на этот путь, было достаточно инструментов, ресурсов, чтобы проводить такую политику. Одновременно требуется и соответствующая эволюция прежней деловой культуры, выработка у значительной части общества новой ценностной структуры, способствующей массовому отказу от тех ценностей и норм, которые связаны с институциональными рубцами. Надо признать, что это долгий эволюционный процесс.

Стоит напомнить, что в дореволюционной России XIX — начала XX в. более полувека шёл медленный процесс эволюционного развития, в ходе которого постепенно смягчались более жёсткие нормы, связанные с институциональными рубцами, медленно формировались новые ценности и институты. Этот процесс был прерван экстремальными политическими обстоятельствами, обусловленными Первой мировой войной. В то же время сам факт срыва эволюционного процесса способствовал активизации старых ценностных представлений, попавших в резонанс с выдвинутыми в революционных условиях мобилизационными нормами, оказалось возможным укрепление нового, советского, институционального рубца.

Выход из него теоретически также должен был быть осторожен и достаточно длителен. Однако тут сама сущность институциональной конструкции, на которой покоилась советская институциональная система, — «общенародной (государственной) собственности» и ее надличностного собственника — партии-государства, обуславливала дополнительные сложности, вызванные прежде всего тремя обстоятельствами:

1) население практически было лишено собственности, а уровень жизни каждого был связан его местом в официальной иерархической структуре с её способами распределения благ либо местом в параллельной неофициальной «теневой» сфере;

2) начавшиеся процессы привели к размыванию прав советского собственника на средства производства — партии-государства;

3) начавшиеся процессы демократизации общества одновременно подтачивали самые основы советской государственной конструкции, т.е. реформы стало осуществлять слабое государство, неспособное выстроить новую систему поощрений для выполняющих требования новых порядков и санкций к их нарушителям.

Причём всё это складывалось в среде, где господствовали недоверие к государству, разочарование в господствовавших ранее псевдоколлективистских структурах, проявление агрессивного адаптационного индивидуализма. В результате уже первые новые законы, ознаменовавшие переход к новым порядкам (и закон о государственном предприятии (объединении), и закон о кооперации, и закон об индивидуальной трудовой деятельности, и закон об аренде, и др.), дали толчок процессам перехватывания той собственности, которая стремительно теряла своего патрона — партию-государство. Власть же, вместо того чтобы уже на первых этапах реформ укрепить собственность именно как государственную, или устранилась от идущих процессов, или сама участвовала в них. Об этом, в частности, вспоминал В.Л. Тамбовцев, характеризуя процессы, которые были запущены вышеназванными законами, как «спонтанную номенклатурную приватизацию», прервать которую можно было только переходом «к нормальной частной собственности, к нормальной приватизации» [*Девяностые...2019. С.128-129*].

Поэтому было принято решение о быстрой чековой приватизации. Сам ход приватизационных процессов (и стихийных, и легальных) был продиктован конкретной социально-политической ситуацией, а также слабостью государства, неспособного справиться с проявлениями агрессивного адаптационного индивидуализма прежде всего представителей бывшей номенклатуры. Особенно тяжёлыми, по мнению Тамбовцева, были процессы 1990-1991 гг. Эта ситуация «с полной неопределённостью в правах на лжегосударственную собственность была специально создана, чтобы не боялись ничего, ничего не стеснялись и бесконтрольно обогащались» [*Девяностые...2019. С.129*].

Этот эпизод отечественной истории можно трактовать в рамках нашей темы как, с одной стороны, стихийную, а с другой — обусловленную текущими экономическими и политическими нуждами попытку «разрубить» советский институциональный рубец. Однако такой метод не мог дать положительного результата, и сама приватизация со всеми её результатами оказалась не принятой большинством. Созданная таким способом частная собственность до сих пор подвергается сомнению массой населения. Причём это создает неустойчивость и для бизнеса, происхождение которого было вполне легальным и законным не только с правовой, но и с экономической точки зрения. В результате частная собственность в нашей стране до сих пор не имеет прочной правовой и моральной защиты, что подтверждается и продолжающейся все 2000-е гг. массовостью рейдерских захватов, неправовых переделов и т.п., по сути — возрождению принципов власти-собственности. Следовательно, попытка форсированной ликвидации одного институционального рубца привела лишь к появлению на его месте другого.

К тому же нельзя игнорировать ещё одно обстоятельство. Целью постсоциалистической трансформации был демонтаж обанкротившейся старой советской плановой экономики с присущими ей структурными перекосами. Они касались не просто функционирования огромного числа «планово убыточных» предприятий и массы обременяющих экономику областей деятельности, традиционно связанных с бюджетным финансированием, но и судеб работающих в этих сферах людей. Многие из них обладали достаточно высокой компетенцией, а области их деятельности, например, здравоохранение, образование, наука,

культура, обеспечение безопасности страны, необходимы и в обществе, строящемся на новых принципах. Однако именно эти области деятельности, где как раз концентрировались люди с достаточно высоким человеческим потенциалом, подверглись жёстким бюджетным ограничениям. В ситуации экономического кризиса проблемы «выживания» во многом перекладывались на самих работников этих сфер. В этом процессе многое зависело от индивидуальных качеств и отдельных работников, их способности вписаться в новые условия, и от качеств руководителей таких предприятий и организаций — их нацеленности на работу в новых условиях и социальную ответственность перед возглавляемыми ими коллективами. Известно, что руководители в этих условиях вели себя по-разному, и отнюдь не все ставили во главу своей деятельности проблемы возглавляемого ими предприятия в целом, а не личные интересы.

Но в целом при срывах как 1917 г., так и 1991 г. происходил слом старых институтов, «а вместе с ним списание соответствующего ему человеческого капитала с одновременным созданием нового института, для которого необходим иной человеческий капитал. Именно эффект обновления человеческого капитала ставит временные пределы эффективности любых реформ» [Балацкий, 2021. С.111]. Это утверждение можно принять с одной оговоркой. Далеко не всегда старый человеческий капитал нуждается в «списании». Значительная его часть может быть использована и в новых условиях, разве что с некоторыми организационно-техническими добавлениями. Проблема именно во временном разрыве между крушением старого и становлением нового, заменяющего его института. Чем больше этот разрыв, тем больше вероятность девальвации накопленного за предшествующий период человеческого капитала. Ведь этот вид капитала по самой своей природе требует постоянного совершенствования и непрерывности применения. Если одним из приоритетов создания новой системы и его институциональной структуры не является обеспечение нормальной работы и жизни этой категории населения, сосредоточивающей в себе наиболее развитые в культурном отношении слои, то происходит истощение человеческого капитала, прежде всего высокого качества. А это свидетельствует о нарушении того принципа соответствия, без которого невозможен экономический рост.

Можно ли избавиться от институциональных рубцов?

Вся история появления институциональных рубцов показывает, что они образуются при попытках реформирования исходной институциональной системы с помощью институтов из более эффективной системы. Эти институты при соприкосновении с чуждой им институциональной и культурной средой деформируются под воздействием массовых культурных стереотипов и господствующих в старой системе формальных и особенно неформальных институтов. В то же время важную роль играют сиюминутные личные интересы и части элитных групп, сознательно противодействующих реформам, и самих реформаторов, увидевших выгоду для себя в сохранении ситуации «промежуточности» процесса и стремящихся заблокировать его именно в этом состоянии.

Это обычно происходит в случаях, когда реформаторы, как правило, вынужденные проводить преобразования в быстром темпе, руководствуются прежде всего инструментальными аспектами реформирования, сулящими привнесение в страну более прогрессивных технологических и административных новаций. Именно на них рассчитывают как на способных дать импульс и технологическому развитию, и стабилизации общей ситуации в стране, где старая система институтов перестаёт соответствовать потребностям времени. Поэтому проблема избавления от институциональных рубцов возникает не в случаях, когда застabilизированная с их помощью старая система сохраняет определённую устойчивость, а в ситуации, когда она начинает явно отставать от потребностей времени и более

быстро развивающихся соседей, а сами признаки «стабилизации» явно ослабевают. Это формирует в отстающем обществе повышенное чувство внешней угрозы (как подлинной, так и мнимой).

Таким образом, избавление от институциональных рубцов становится важной, но составной частью более общей проблемы — новой попытки модернизации старой системы на основе выработки «дорожной карты» перехода к новой системе, рассчитанной на длительный период. Неслучайно теория реформ В.М. Полтеровича включает в себя такие требования, как «умение строить цепочки промежуточных институтов», «соединяющих» действующие институты с наиболее передовыми, а также разделение «сложной реформы на ряд этапов, допускающих независимую оценку». При этом важно «стремиться к тому, чтобы преобразования, проводимые на начальных этапах, были наиболее привлекательны для населения и давали наибольшую информацию о целесообразности корректировки реформ» [Полтерович, 2007. С.424]. Немаловажно и представление реформаторами обществу реальной картины перспектив улучшения ситуации, затрагивающих все его слои.

Сказанное, думается, диктует ещё одно требование к потенциальным реформаторам, точнее — к представителям властных элит. Симптомы неблагополучия в развитии общества и государства, как правило, видимые или хотя бы ощущаемые задолго до их обострения, должны стать сигналом не только к разработке, но и к началу реализации продуманного плана постепенного реформирования. К сожалению, обычно этого не происходит, и вся экономическая и социальная политика сводится к попыткам поддержания мнимой «стабильности», в итоге приводящая лишь к обострению кризиса, когда или старые, или пришедшие на волне народного недовольства новые власти вынуждены предпринимать авральные меры с целью предотвращения полного краха. А это обычно создает новые институциональные рубцы, впоследствии препятствующие дальнейшему реформированию уже не в экстремальных условиях.

Кроме того, тяготы такого варианта проведения реформ, вынужденно переносимые населением, создают в обществе глубокую травму, отвращающую массы от каких-либо вариантов преобразований. В результате общество останавливается на каком-то промежуточном этапе реформ, обычно выгодным для отдельных групп «промежуточных выгодоприобретателей», но не дающих видимых бонусов большинству населения. Оно в такой ситуации ещё более убеждается в опасности для себя любых изменений. Так происходило в России в годы быстрых насильственных сломов — 1917 и 1991 гг. В эти периоды «нормальная» передача норм и ценностей, ведущая к реформированию одной системы и переходу к другой «становилась невозможной. Имели место разрывы культурного и социального воспроизводства, дефициты регуляции, что влекло за собой и нарастающую девальвацию культивируемых ранее форм социального поведения, «варваризацию» высших уровней нового общества» [Лудков, 2009. С.10]. Поэтому разработка программы модернизационных реформ, включающая соответствующий им сложный комплекс социокультурных проблем, должна ориентироваться прежде всего на активизацию соответствующих задач реформирования стимулов, которые направлены и на отдельных людей, и на их группы, и на общество в целом.

Таким образом, для успешной разработки программ эволюционных реформ, равно как и более частной проблемы — анализа институциональных рубцов и способов их устранения, необходим подход, предполагающий взаимодействие и институциональных, и ценностных аспектов темы, а также комплексный анализ процессов, протекающих как в элитах общества, так и в широких массовых слоях. Важно, чтобы подобный комплексный подход обретал силу и в рамках более общей темы — создания философии, обобщающей концепции социально-экономического развития, нацеленной на формирование институтов сотрудничества как важнейшей тенденции мирового развития, черты которого проявляются в современном мире [Полтерович, 2016; Полтерович, 2022]. При этом

В.М. Полтерович, разрабатывающий данную концепцию, в отличие от авторов монокаузальных теорий считает «необходимым для объяснения социально-экономического развития рассматривать *взаимовлияние* (курсив мой. — Н.П.) институтов, гражданской культуры, технического прогресса и уровней благосостояния...» [Полтерович, 2018а. С. 23–24].

Представляется, что своё влияние на особенности отмеченных процессов, характерных для России, оказывает и специфика «пограничности». Свойственная «пограничным» обществам склонность к «впитыванию» ценностных влияний соседей, причём соседей с различными, нередко противоположными ориентациями, ведёт к формированию в собственной структуре ценностных предпочтений определённой эклектики. С одной стороны, она способна к восприятию влияний, идущих от одних, более продвинувшихся по пути преобразований, соответствующих современному уровню научно-технического развития⁴, а с другой — таким влияниям противостоят не менее сильные тенденции, истоками которых являются иные соседи с господством другого набора ценностей. Сама специфика общества «пограничности» облегчает процесс восприятия новых веяний не только технического и инструментального, но и социокультурного плана. Но в то же время сила противоположно направленных веяний включает дополнительные факторы торможения и также деформирующе воздействует на вновь создаваемые институты, способствует формированию в них институциональных рубцов.

Всё это обуславливает свои особенности формирования российской институциональной и ценностной системы в постсоциалистический период. В то же время современные исследования показывают, что при всей своей специфике ценностная картина российского общества вполне вписывается в общеевропейский контекст. Данные Европейского социального исследования (ESS)⁵, регулярно проводящегося с начала 2000-х гг. более чем в 20 странах Европы (Россия включена в него с 2006 г.), показывают, что по своей ценностной структуре наша страна не выпадает из общеевропейской картины. Хотя по многим параметрам Россия находится в группе постсоциалистических и менее развитых европейских стран (см. [Россия в Европе..., 2009. С. 238]).

Можно сказать, что впитывание западных, европейских, ценностей и заимствование оттуда институтов в течение нескольких столетий дало в России свои результаты, хотя в то же время и восточные влияния ещё достаточно прочны. В такой специфике «пограничности» России лежат истоки сложности её развития, воспроизводимости цикла «реформа — контрреформа» (Янов) и создание с каждым таким циклом особых рубцов институциональной структуры, незнакомых странам, проходящим свой путь эволюционного развития (пусть и связанный иногда с революционными взрывами). Вообще разные индивиды, а также отдельные группы населения по-разному оказываются восприимчивы к веяниям, идущим от противоположно ориентированных соседей, что, в частности, демонстрирует группа постсоциалистических стран. И в среде российского населения как населения страны «пограничья» формировались по-разному ориентированные слои, тяготеющие к разным полюсам общеевропейской ценностной структуры. Результаты ESS свидетельствуют, что во всех попавших в него странах сосуществуют группы с тяготением к разным наборам ценностей⁶. И степень развитости той или иной страны, развитости её

⁴ Это особенно важно для анализа ситуации в современном мире, где техническое развитие переходит на качественно новый уровень. Этому уровню должно соответствовать новое качество гуманитарных, ценностных предпочтений нового человека (см., например, теорию «техно-гуманитарного баланса» А.П. Назаретяна [Назаретян, 2017]).

⁵ В рамках этого исследования применялась модификация Портретного ценностного вопросника Ш. Шварца [Schwartz, Bardi, 2001].

⁶ В «ценностном круге» Ш. Шварца из более дробного набора ценностей выделяются четыре крупных вида ценностей — Открытости изменениям, Заботы о людях и природе, Сохранения и Самоутверждения. Кроме того, в разных пропорциях эти ценности соответствуют тяготению к Самозащите, Социальной ориентации, Индивидуалистической ориентации, а также к ценностям Роста [Schwartz, 2006].

институтов соответствует превалированию в ней группы с тем или иным набором ценностей. Можно предположить, что в России специфика соотношения групп с разным набором ценностей, связанных и с положением «пограничья», обуславливает её долготелнее балансирование «на сложной рискованной грани между удовлетворительным и тормозящим инновационное развитие соотношением ценностно-мотивационных векторов населения страны как социетального сообщества» [Лапин, 2009. С. 45].

Многолетний анализ данных ESS с выделением в общем его массиве отдельных групп носителей разных наборов ценностей проводят В.С. Магун и М.Г. Руднев. Более десятилетия назад анализ материалов 2006 г. позволил им выделить четыре ценностных типа населения, два из которых, сосредоточивших от 36 до 55% опрошенных, были характерны для стран, в наибольшей степени продвинувшихся по пути модернизации. В противоположность этим типам в двух других группах концентрировалось население постсоциалистических и менее развитых европейских стран (35–40%) [Магун, Руднев, 2010].

Дальнейшие опросы в рамках ESS позволили существенно уточнить ценностную картину, характерную для европейских стран. Во-первых, все исследования, проведённые в 2010-х гг., подтверждают, что россияне вписываются в общую картину европейских ценностей. Во-вторых, каждая страна имеет свою специфику, своё сочетание различных, даже противоположно направленных ценностей. В-третьих, это разнообразие может быть структурировано с выделением ряда групп, характеризующихся преобладанием определённых ценностных компонентов. Анализ материалов трёх исследований ESS — 2008, 2010 и 2012 гг. позволил выделить пять ценностных групп, по-разному располагающихся в пространстве ценностных осей Шварца в соответствии с их средними значениями по каждой из ценностных осей (рис. 1).

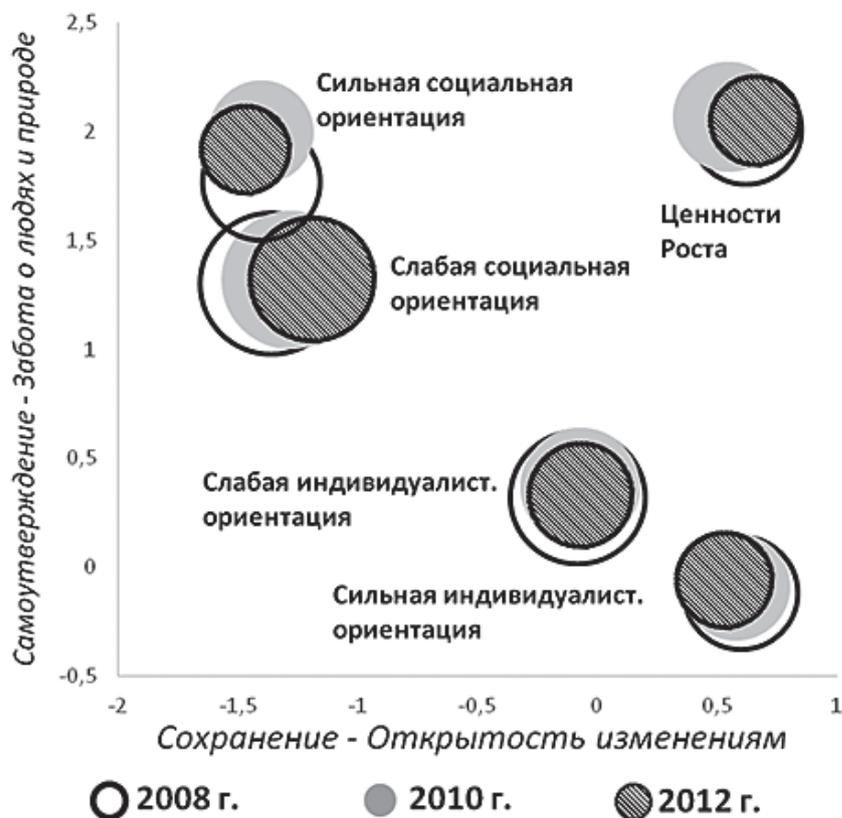

Рис. 1. Ценностные классы европейского населения в пространстве ценностных осей Шварца (объединённая типология европейских стран по трём раундам ESS 2008–2012 гг.; классы расположены в соответствии со средними значениями по каждой из ценностных осей)

Источник: Магун В., Руднев М. За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии // Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 334.

Магун и Руднев выделили своеобразную «европейскую диагональ». На одном из её концов расположен ценностный класс сильной социальной ориентации (для входящих в него характерно максимальное предпочтение ценностей Сохранения ценностям Открытости с максимальным же предпочтением ценностей Заботы о людях и природе по сравнению с ценностями Самоутверждения). Противоположный (индивидуалистический) конец диагонали завершают группы, наоборот, с максимальным предпочтением Открытости Сохранению в сочетании с предпочтением Самоутверждения ценностям Заботы. Были выделены и группы со слабой социальной и индивидуалистической ориентацией, где соответствующие предпочтения выражены в меньшей степени, но также располагающиеся на «диагонали».

Согласно данным ESS, в четыре группы с более или менее ярко выраженными тяготениями к социальному или индивидуалистическому полюсу, расположенных «на ценностной диагонали, вошло более 80% населения, и это означает, что в Европе основные различия между ценностями людей проходят по оси индивидуальное — социальное» [Магун, Руднев, 2021. С.338]. Одним из следствий такой оппозиции «являются конфликтные отношения между ценностями Заботы и Открытости». То есть европейскому большинству присущ конфликт «между ценностями благополучия других людей и ценностями собственной активности» [Там же. С.338]. Такого конфликта, как фиксируемый Магуном и Рудневым на ценностной «диагонали», не наблюдается у приверженцев, пока малочисленной группы, также выделенной в ходе исследования и не укладывающейся в «европейскую диагональ».

В эту группу входят личности с большим, нежели в других группах, предпочтением ценностей Открытости и Заботы, соответственно, — меньшей ролью для них ценностей Сохранения и Самоутверждения. Анализ особенностей тех стран, где в населении преобладает данная группа, показывает, что именно в них наблюдаются наибольшие успехи в экономическом развитии. Это и наиболее развитые европейские страны (там носители этих ценностных предпочтений составляют от 54 до 39%). К ним примыкает группа стран, успешно развивающихся в последние годы, начиная с Португалии, Бельгии, Эстонии (35 — 30%) и до среднеразвитых и наиболее успешных постсоциалистических стран с долей этой группы до 20%. Наконец, в группе постсоциалистических стран, отстающих по уровню экономического развития и не укрепивших в полной мере институциональную структуру, укоренённую в развитых европейских странах, концентрируется от 15 до 3% населения. Правда, в последнюю группу входит и Италия, но тут возможно влияние особенностей развития этой страны, особенно контрастов между её севером и югом, ролью мафии и т.п. Эта явная связь доли данной ценностной группы с успехами в экономическом росте позволила Магуну и Рудневу охарактеризовать её как группу ценностей Роста. Здесь они сделали акцент на более широких ценностных группах, которые, по Шварцу, расположены на ценностных осях второго уровня: Индивидуалистическая ориентация — Социальная ориентация — Ценности Роста [Магун, Руднев, 2021. С. 333-335].

Если же смотреть распределение по ценностным группам жителей 28 европейских стран, где имеются представители всех пяти выделенных ценностных классов, то рис. 2 демонстрирует внутреннюю неоднородность населения всех стран. Стоит отметить, что по базовым ценностям каждый индивид скорее похож на представителя своей ценностной группы из другой страны, чем на соотечественника, относящегося к иной ценностной группе. На рисунке также чётко выделяются страны Северной и Западной Европы, среди жителей которых велика доля носителей ценностей Роста. При этом доля носителей сильной или слабой социальной ориентации колеблется от 39 до 26%, а сильной или слабой индивидуалистической ориентации — от 34 до 20%. Видно, что доля носителей ценностей Роста в большей степени прирастала за счёт перетекания

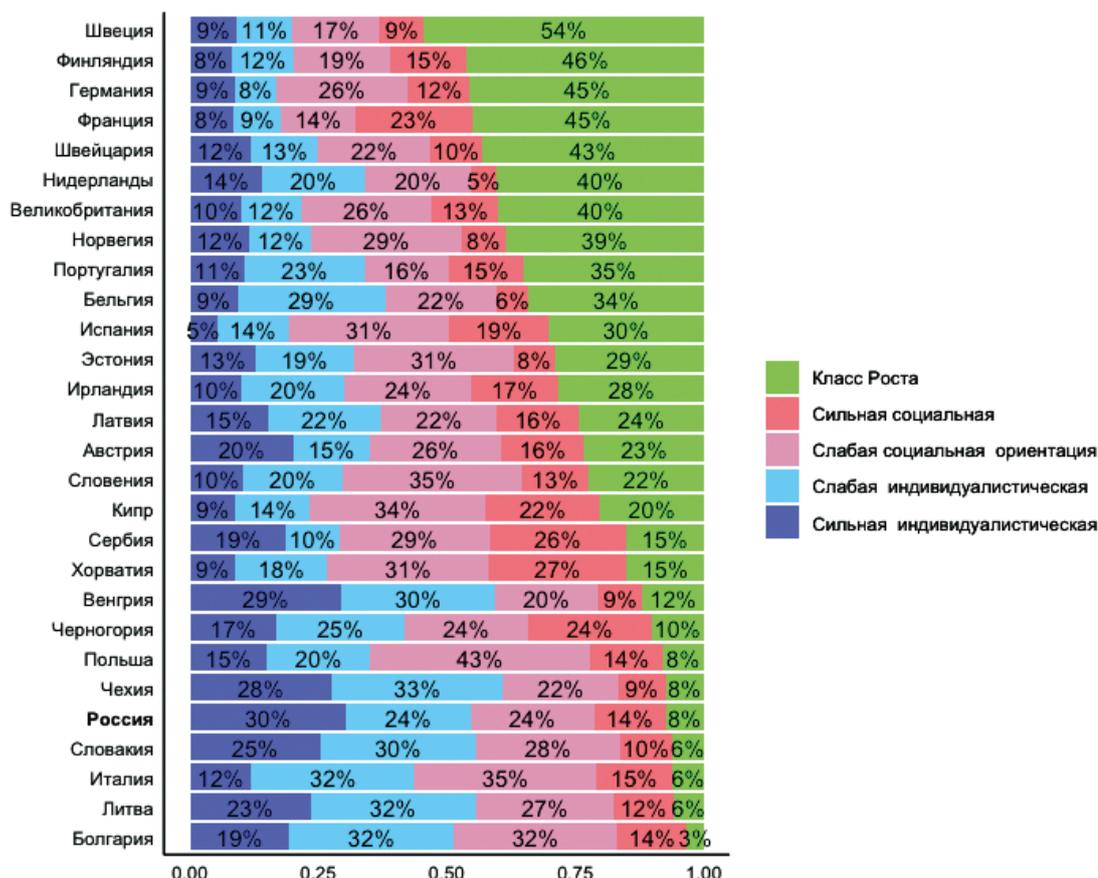

Рис. 2. Распределения респондентов по ценностным классам в европейских странах (приведены процентные распределения людей по классам, данные 9-го раунда ESS 2018 г.)

Источник: Магун В., Руднев М. За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии // Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 340.

в неё представителей индивидуалистических ценностей. Доля же сторонников социальной ориентации здесь немногим меньше, чем во многих бывших постсоциалистических странах. Можно предположить, что развитие общества последних десятилетий вело в наиболее развитых странах к усилению тенденций социальной ответственности, и носители сугубо индивидуалистических ценностей, не утрачивая своих стремлений к Открытости изменениям, в большей мере начинали воспринимать социально ориентированные ценности Заботы о людях и природе. Таким образом, успехи в экономическом развитии и сопутствующих ему постоянных модернизационных изменений в значительной мере связаны с долей в их населении представителей ценностной когорты Роста. Можно также добавить, что сочетание ценностных предпочтений, характерное для выделенной группы ценностей Роста, в наибольшей степени соответствует принципам, развиваемым В.М. Полтеровичем в концепции, направленной на формирование институтов сотрудничества.

Рис. 2 свидетельствует, что в 2018 г. лишь 8% россиян оказывались в когорте носителей ценностей Роста. А более 90% составляют группы социальной или индивидуалистической ориентации. В то же время, как показывают сравнения с данными 2006 — 2016 гг., пусть медленные, но фиксируемые изменения всё же происходят. Так, если в 2006 г. соотношение индивидуалистических и социальных ориентаций было примерно одинаково (45 и 49%, соответственно), то с 2010 г. проявился процесс превышения индивидуалистических ценностей над социальными (в 2018 г. это соотношение составило 54 к 38%). В результате по состоянию на 2018 г. Россия оказалась в пятёрке стран Европы — лидеров

по сумме слабых и сильных индивидуалистических ценностей (вместе с Чехией, Венгрией, Словакией и Литвой; при этом по показателю сильной индивидуалистической ориентации Россия стала лидером с 30%).

Фиксируя нарастание проиндивидуалистических ценностных изменений в российском обществе, Магун и Руднев особо подчёркивают несовпадение этих тенденций с «пропагандистскими идеологемами, приписывающими россиянам особую склонность бескорыстному альтруизму, коллективизму, “соборности”» [Магун, Руднев, 2021. С. 353]. Однако, думается, опасности, вытекающие из интенсивно происходящих начиная с 2010-х гг. изменений, значительно глубже и существенно скажутся на стратегии выхода страны на траекторию экономического роста. Прежде всего стоит отметить, что для представителей отечественного индивидуализма характерны не только отсутствие сильно выраженных ценностей безопасности и желания защиты со стороны социального окружения и государства, но скорее невысокая ценность правил и традиций и актуальность личного успеха, богатства и власти. По сути, это свидетельствует о том, что реалии постсоциалистической трансформации в нашей стране способствовали укреплению именно агрессивного адаптационного индивидуализма, начавшего формироваться ещё в советский период, о чём в 1990-е гг. писал Г.Г. Дилигенский [Дилигенский, 1997]. Тут также имеет смысл говорить и об атомизации российского общества, и о массовом неверии в помощь государства в кризисной для человека ситуации.

По сути, эти тенденции подтверждаются и при анализе свойств людей, входящих в по-разному ориентированные ценностные категории у самих Магуна и Руднева. Так, принадлежности к классу сильной индивидуалистической ориентации способствует «концентрация у человека различных ресурсов, но в отличие от класса Роста, это ресурсы индивидуальные, семейные и средовые: индивидуалистически ориентированные респонденты богаты подобными ресурсами, но живут при этом не в самых богатых странах». Есть свои личностные черты и у представителей слабой индивидуалистической ориентации. Что же касается представителей классов социальной ориентации, то для них характерен меньший объём индивидуальных, семейных и средовых ресурсов, т.е. «принадлежность человека к тому или иному ценностному типу связана с объёмом и содержанием располагаемых им ресурсов» [Магун, Руднев, 2021. С. 344–345].

Авторы предполагают, что для класса социальной ориентации цель — получение или сбережение тех или иных благ, а для класса индивидуалистической — стремление к избытку ресурсов с тем, чтобы их можно было использовать и тратить. И в этом смысле, по их мнению, «ожидаемо, что концентрация большего объёма различных ресурсов благоприятствует формированию ценностей Роста, а именно готовности человека делиться имеющимися активами с другими людьми (ценности Заботы), а также тратить накопленный культурный и образовательный капитал в процессе активной самостоятельной деятельности» [Магун, Руднев, 2021. С. 345].

Однако представляется, что нарисованный Магуном и Рудневым путь преобразования индивидуалистических ценностей в ценности Роста чрезмерно оптимистичен. Здесь, в частности, стоит вспомнить серию трудов Л.П. и Р.Н. Евстигнеевых по экономической синергетике, охватывающих взаимосвязи как материального, так и духовного мира общества. Они особо подчёркивали принципиальную разницу между индивидуалистической и либеральной ментальностью. Первая ориентирована прежде всего на доход, на перераспределение в свою пользу имеющихся в обществе благ (эти черты и отмечают Магун и Руднев). От неё качественно отличается либеральная ментальность, «которая не может не включать одновременно полной свободы индивида и его ответственности за принятые решения как собственно им, так и обществом. Поэтому наиболее полным понятием свободы является понятие “свободы выбора”» [Евстигнеева, Евстигнеев, 2011. С. 48].

Хотя либеральная ментальность безусловно шире того, что зафиксировано в ESS как ценности Роста, она может, в отличие от индивидуалистической, рассматриваться как «целевая функция» ценностей Роста. Неслучайно индивидуалистические ценности и ценности Роста оказались на разных полюсах «социальной шкалы» Ш. Шварца: если первые ориентированы на перераспределение дохода, то вторые — на развитие, на капитал как самовозрастание стоимости, не на передел имеющегося богатства, на его преумножение и экономический рост. И переломить ориентацию первых будет не просто, тем более, если учитывать, что именно в их руках находится большинство властных рычагов. В частности, Евстигнеевы предупреждали: «Ни в коем случае нельзя полагаться на то, что ситуацию можно исправить рационализацией экономики и управления. В условиях, когда общество и экономика представляют собой сложную систему, её рационализация становится сопряжённой с трансформацией макроэкономического уровня, с превращением развития в процесс становления, или эволюции на принципах социальной самоорганизации» [Евстигнеева, Евстигнеев, 2011. С.24]. Потому и появились в ESS ценности Роста, преобладающие в наиболее развитых странах и качественно отличные от индивидуалистических ценностей. В этих условиях мы можем рассчитывать лишь на медленный эволюционный путь, связанный с ценностными преобразованиями в разных ячейках нашего общества. Так, уже наблюдается небольшой прогресс и в увеличении доли носителей ценностей Роста (в 2006–2014 гг. она составляла 4%), т.е. произошел статистически значимый рост [Магун, Руднев, 2021. С. 347-349].

То есть данные ESS свидетельствуют, с одной стороны, о том, что нельзя рассматривать российскую культуру как неизменную, жёстко ограниченную некими «архетипами», «культурными кодами», «институциональными матрицами». С другой стороны, происходящие изменения говорят о явной недооценке элитами своей роли именно как элит общества, призванных давать ему образцы поведения, способствующие созданию и укреплению норм, ценностей и институтов, соответствующих эволюционным процессам трансформации, нацеленным на постепенное преобразование существующих порядков, предоставление гражданам больших шансов на успешное саморазвитие и возможностей для самореализации.

Эти выводы свидетельствуют ещё об одной обостряющейся проблеме. Как показывают данные ESS, российское общество все последние десятилетия пусть медленно, но развивается под воздействием проевропейских, прозападных ценностей. В то же время элита прежде всего в целях «стабилизации» общественных процессов (а нередко просто в интересах «промежуточных выгодоприобретателей») ориентируется на укрепление провосточных ценностей, якобы «исконно присущих российскому социуму». Однако исследования показывают, что носители таких ценностей концентрируются прежде всего в менее образованных и более старших группах населения. Более молодые и образованные слои всё увереннее впитывают прозападные ценности, с которыми они связывают прогресс страны, хотя гораздо большим успехом пользуются у них индивидуалистические ценности, причём те, что скорее ориентируют на получение ренты, нежели ценности, связанные с экономическим ростом. В нашем «пограничном» обществе такая ситуация скрывает в себе большую опасность. «Взаимоупор», по Аверинцеву, может не выдержать. И тогда стране угрожает новый кризисный взрыв, результатом которого обычно бывает срыв задуманных модернизационных преобразований, новый кризис и застой, угрожающие самому существованию страны.

Этот вывод заставляет вновь обратиться к роли в процессе реформирования элит и основной массы населения. При всей важности способности общества к восприятию нововведений, прежде всего связанных с радикальными преобразованиями, особое значение приобретает степень готовности элит к таким реформам, их способность выработки плана реформирования, создания необходимых переходных инсти-

тутов и оценки возможности трансплантации институтов из иных стран для успеха процессов преобразований. Представляется, что, признавая важность для этого учёта не только институциональных, но и связанных с ними ценностных изменений, важно в требование достижения «пороговых условий» как для элит, так и для общества добавить требование наличия в элитах значимой доли носителей ценностей, в наибольшей степени соответствующих потребностям реформирования общества. Среди таких ценностей прежде всего выделяются зафиксированные в исследованиях ESS ценности Роста, как, с одной стороны, ориентированные на Открытость изменениям, а с другой — на Заботу о людях и природе.

Особенно важно, чтобы носители таких ценностей господствовали среди реформаторов, которые призваны давать для всего общества образцы поведения в новых условиях и от которых во многом зависит процесс создания формальных институтов. Практика показывает, что следование «верхов» провозглашённым этическим принципам, готовность применения санкций за их нарушение вне зависимости от статуса нарушителя оказывает воспитательное воздействие на иные слои общества и тем самым способствует постепенным сдвигам в поведении, типичном для большинства, снимает ценностные блокировки для действия новых институтов.

Пока же элиты России не соответствуют данному требованию. Это блокирует необходимые преобразования, в частности в такой ключевой сфере, как правовая. Правовая практика в России не соответствует требованиям «пороговых условий для элит», сформулированных Д. Нортон и его коллегами. Более того, вынужденность использования при этом институтов, ассоциированных с порядками открытого доступа, ведёт к их искажению, девальвации их значимости в глазах большинства. Такая противоречивость в номинальном и реальном бытовании правовой системы, как свидетельствуют социологические исследования, затормозила процессы разложения старых нормативно-ценностных представлений, создала двойственность в толковании людьми сложившейся правовой ситуации. При этом среди людей растёт спрос на «закон» («писаное право») не как инструмент, облегчающий по сути несправедливые, антисоциальные деяния, а как новый социальный регулятор, заменяющий в качестве такового «традицию», опирающуюся на положение в статусной иерархии. Как отмечала Н.Е. Тихонова, россияне пока в массе своей остаются «сторонниками “консенсусной” модели законопослушания, предполагающей, во-первых, что нормы закона обязательны для всех и только в этом случае они готовы их соблюдать, а во-вторых, что эти нормы прошли моральную легитимацию, то есть соответствуют их представлениям о социальной справедливости» [Тихонова, 2011. С. 8].

Такое отношение к праву, особенно в условиях, когда общество, по сути, находится в ситуации блокировки процесса реформирования, создания институтов, соответствующих современным требованиям и технологического, и социально-экономического, и политического, и культурного развития, свидетельствует и о том, что не только в обществе, но и в элитах отсутствует понимание необходимости выработки новых, партнёрских отношений между государством и обществом. Оно предполагает взаимную ответственность за все происходящие в стране процессы, их ориентацию на консолидацию общества и государства, прежде всего в деле обеспечения благосостояния всех членов общества, становления социального государства.

В результате складывающаяся в стране ситуация прежде всего под воздействием проводимой элитами политики накладывает свой отпечаток на идущие ценностные изменения. Эти изменения, как уже было отмечено, развиваются не в сторону укрепления социально ориентированных ценностей, а ценностей индивидуалистических. Однако в существующей реальности в совокупности этих ценностей господствуют представления о том, что в случае возникновения тех или иных проблем на государство нет

смысла рассчитывать, а потому для отечественного варианта индивидуализма характерна невысокая ценность правил и традиций и, как противовес, растет актуальность личного успеха, богатства и власти, самоутверждения, риска. Такой тип индивидуализма, растущий в последние десятилетия, стал следствием господства в российском обществе укоренившихся в нём формальных и особенно неформальных институтов, блокирующих свободное развитие в подавляющем большинстве областей. И растущее число его носителей может стать опасным при возникновении серьёзных напряжений в обществе.

Можно предположить, что важнейший фактор, под воздействием которого отечественный индивидуализм по-прежнему остаётся в основном агрессивным и адаптационным, кроется в выбранном государством пути экономической и социальной политики. Произошла абсолютизация методов государственного контроля с одновременным подозрением и даже враждебным отношением к любым не связанным с государством общественным и частным инициативам. То есть произошла абсолютизация «вертикали власти» в ущерб горизонтальным связям. А именно с горизонтальными связями ассоциируется подавляющее большинство прорывов, произошедших в современном мире и в экономической, и в социальной, и в научной, и в культурной сферах.

Всё это требует пересмотра принципов социально-экономической политики как политики, не соответствующей потребностям экономического роста, в том числе и с позиций формирования у значительных слоёв населения соответствующих стимулов. Один из аспектов такого изменения политики — «переход к пониманию новой роли государства как посредника в горизонтальном сотрудничестве между гражданами» [Полтерович, 2018b. С. 90].

По мере того, как в ходе общественного развития такой подход начнёт принимать всё более широкие масштабы, само его развитие должно дать толчок процессам постепенного смягчения влияния укоренённых в институциональной структуре общества институциональных рубцов, их постепенному размыванию. Если же будет сохранена линия на тактические меры по поддержанию «стабилизации», грозящие в то же время превышением сдерживающих возможностей «взаимоупора», не исключена вероятность тяжёлого внутреннего кризиса, чреватого появлением на теле российской институциональной структуры новых рубцов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2016). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. [Acemoglu D., Robinson J. (2016). Why Nations Fail, The origins of Power, Prosperity and Poverty]. – М.: АСТ.
- Асемоглу Д., Робинсон Дж. (2011). Экономические истоки диктатуры и демократии [Acemoglu D., Robinson J. (2011). Economics origins of dictatorship and democracy]. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Аузан А.А. (2007а). «Колея» российской модернизации [Auzan A.A. (2007a). The “track” of Russian modernization] // *Общественные науки и современность*. № 6. С.54-60.
- Аузан А.А. (2007b). Пора решиться на переустройство государства [Auzan A.A. (2007b). It's time to decide on the re-establishment of the state] // *Российское государство: вчера, сегодня, завтра*. – М.: Новое издательство. С.407-422.
- Ахиезер А.С. (1998). Россия: критика исторического опыта. Т. II. Теория и методология: Словарь. [Akhiyezer A.S. (1998). Russia: criticism of historical experience. Vol. II. Theory and methodology: Vocabulary]. — Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Ахиезер А.С. (2006). Труды [Akhiyezer A.S. (2006). Research papers]. – М.: Новый хронограф.
- Балацкий Е.В. (2021). Принцип согласованности в теории социального развития [Balatskiy Ye.V. (2021). The principle of consistency in the theory of social development] // *Terra Economicus*. Т. 19. № 1. С.36-52.
- Вельцель К. (2017). Рождение свободы [Welzel C. (2017). Freedom rising. Human Empowerment and the Quest for Emancipation]. – М.: АО «ВЦИОМ».
- Восленский М. (1991). Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. [Voslensky M. (1991). Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union]. – М.: МП «Октябрь», «Советская Россия».

- Грегори П. (2008). *Политическая экономия сталинизма* [Gregory P. (2008). The political economy of Stalinism]. – М.: РОССПЭН.
- Гудков Л.Д. (2009). Условия воспроизводства «советского человека» [Gudkov L.D. (2009). Conditions for the reproduction of the “Soviet man”] // *Вестник общественного мнения*. № 2. С. 8-37.
- Девяностые – годы тягот, надежд и свершений (2019). [The nineties — the years of hardships, hopes and accomplishments (2019)]. — М.: Челябинск: Социум.
- Дилигенский Г.Г. (1997). Российские архетипы и современность // *Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии*. [Diligenskiy G.G. (1997). Russian archetypes and modernity // Where is Russia going? General and special in modern development]. – М.: МВШСиЭН, Интерцентр. С. 273-279.
- Инглхарт Р. (2018). *Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир* [Inglehart R. (2018). Cultural Evolution. How Human Motivations Change and How the World Changes]. – М.: Мысль.
- Ключевский В.О. (2019). *Курс лекций по русской истории*. (Лекция 58. Кн. В.В. Голицын, Подготовка и программа реформ) [Klyuchevskiy V.O. (2019). A course of lectures on Russian history. Lecture 58. V.V. Golitsyn, Preparation and reform program]. — М.: Альфа-книга. Электронный ресурс: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluch58.htm> (дата обращения 26.04.2022).
- Ключевский В.О. (2019). *Курс лекций по русской истории*. (Лекция 68. Значение реформы Петра Великого) [Klyuchevskiy V.O. (2019). A course of lectures on Russian history. Lecture 68. Significance of the reform of Peter the Great]. — М.: Альфа-книга. Электронный ресурс: (<http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluch68.htm>) (дата обращения 26.04.2022).
- Корнаи Я. (2000). *Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма* [Kornai Y. (2000). Socialist System. The Political Economy of Communism]. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики».
- Кузьминов Я.И., Набиуллина Э.С., Радаев В.В., Субботина Т.Д. (1988). *Отчуждение труда. История и современность* [Kuz'minov Ya.I., Nabiullina E.S., Radayev V.V., Subbotina T.D. (1988). Alienation of labor. History and modernity]. – М.: Экономика.
- Ларин Н.И. (2009). Ценности «сохранение – открытость изменениям» и сетевые инновационные институты [Larin N.I. (2009). Values “preservation — openness to change” and network innovation institutions] // *Общественные науки и современность*. №5. С. 37-51.
- Латов Ю.В., Нуреев Р.М. (2017). Развилки развития российской власти-собственности в «век волкодав» 1917-2017 // *Россия 1917-2017: Европейская модернизация или особый путь?* / Под ред. А.П.Заостровцева. [Latov Yu.V., Nureyev R.M. (2017). Forks in the development of Russian power-property in the “age of the wolfhound” 1917-2017// Russia 1917-2017: European modernization or a special path? / A.P. Zaostrovstsev (ed)]. — СПб.: МЦСЭН «Леонтьевский центр». С. 28-45.
- Лотман Ю.М. (1994). *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XX в.)*. Ч. 1. Люди и чины [Lotman Yu.M. (1994). Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XX century). Part one. People and ranks]. — СПб.: «Искусство – СПб» // http://www.info/bibliotek_buks/history/Lotman/01.php (дата обращения 26.04.2021).
- Магун В.С., Руднев М.Г. (2010). Базовые ценности россиян в европейском контексте (Окончание) [Magun V.S., Rudnev M.G. (2010). Basic values of Russians in the European context (The End)] // *Общественные науки и современность*. № 4. С.5-17.
- Магун В., Руднев М. (2021). За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии [Magun V., Rudnev M. (2021). Beyond the “Soviet Man”: Russians in the European Value Typology] // *Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя*. – М.: Новое литературное обозрение. С.325-353.
- Назаретян А.П. (2017). *Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании* [Nazaretyan A.P. (2017). Non-linear future. Megahistory, synergetics, cultural anthropology and psychology in global forecasting]. – М.: Аргмак – Медиа.
- Норт Д. (2010). *Понимание процесса экономических изменений* [North D. (2010). Understanding the process of economic change]. — М.: ГУ ВШЭ.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для изучения письменной истории человечества* [North D., Wallis D., Weingast B. (2011). Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history]. – М.: Издательство Института Гайдара.
- Оболонский А.В. (1997). На службе государевой: к истории российского чиновничества [Obolonskiy A.V. (1997). In the service of the sovereign: to the history of Russian bureaucracy] // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 63-76.
- Плискевич Н.М. (2006). «Власть-собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации [Pliskevich N.M. (2006). “Power-property” in modern Russia: the origin and prospects of mutation] // *Мир России*. № 3. С. 62-113.
- Плискевич Н.М. (2013). Возможности трансформации в России и концепция Норта – Уоллиса – Вайнгаста. Ст. 2. Пороговые условия перехода для общества [Pliskevich N.M. (2013). Possibilities of transformation in Russia and the North-Wallis-Weingast concept. Article 2. Threshold conditions of transition for society] // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 45-60.

- Плискевич Н.М. (2016). «Path dependence» и проблемы модернизации мобилизационного типа [Pliskevich N.M. (2016). "Path dependence" and problems of modernization of the mobilization type] // *Мир России*. Т. 25. № 2. С. 123–143.
- Плискевич Н.М. (2022). Институциональные рубцы в «пограничных» обществах и эволюция человеческого потенциала. Ч. 1. Институциональные рубцы [Pliskevich N.M. (2022). Institutional Scars in «Frontier» Societies and the Evolution of Human potential. Part 1. Institutional scars] // *Вопросы теоретической экономики*. № 3. С. 130-143. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_3_130_143
- Полтерович В.М. (2007). *Элементы теории реформ* [Polterovich V.M. (2007). Elements of the theory of reforms]. – М.: Экономика.
- Полтерович В.М. (2016). От социального либерализма – к философии сотрудничества [Polterovich V.M. (2016). From social liberalism to the philosophy of cooperation // Social liberalism] // *Социальный либерализм / Под ред. А.Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич*. — СПб.: Алетейя. С. 346-385.
- Полтерович В.М. (2018a). К общей теории социально-экономического развития. Ч.1. География, институты или культура? [Polterovich V.M. (2018a). Towards a general theory of socio-economic development. Part 1. Geography, institutions or culture?] // *Вопросы экономики*. № 11. С. 5-26.
- Полтерович В.М. (2018b). К общей теории социально-экономического развития. Ч.2. Эволюция механизмов координации [Polterovich V.M. (2018b). Towards a general theory of socio-economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms] // *Вопросы экономики*. № 12. С. 77-102.
- Полтерович В.М. (2022). На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов [Polterovich V.M. (2022). On the way to a general theory of socio-economic development: towards the synthesis of two canons] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 48-57. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_1_48_57.
- Россия в Европе: По материалам международного проекта «Европейское социальное исследование» (2009).* [Russia in Europe. Based on the materials of the international project «European Social Research» (2009)]. – М.: Academia
- Тихонова Н.Е. (2011). Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995-2010) [Tikhonova N.Ye. (2011). Dynamics of the normative-value system of the Russian society (1995-2010)]. // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 5-19.
- Экономические субъекты постсоветской России: институциональный анализ. Ч.3. Государство в современной России (2003).* [Economic Subjects of Post-Soviet Russia: Institutional Analysis. Part 3. State in modern Russia. (2003)]. – М.: Московский общественный научный фонд.
- Яковлев А.А. (2020). Поиск институциональных решений через призму истории [Yakovlev A.A. (2020). Search for institutional solutions through the prism of history]. // *Общественные науки и современность*. № 2. С.57-63.
- Ясин Е.Г. (2002). *Российская экономика. Истоки и панорама российских реформ: Курс лекций* [Yasin Ye.G. (2002). Russian economy. Origins and panorama of Russian reforms. Lecture course]. – М.: ГУ ВШЭ.
- Acemoglu D., Robinson J. (2006). *Economic origins of dictatorship and democracy*. – New York: Cambridge University Press.
- Hellman J. (1998). Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // *World Politics*. Vol.50. No 2. Pp.203-234.
- Schwartz S.H. (2006). Les valeurs de base de la personne: théorie, mesures et applications // *Revue française de sociologie*. Vol. 47. No.4. Pp. 929-968.
- Schwartz S.H., Bardi A. (2001). Value Hierarchies Across Cultures: Taking a Similarities Perspective // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 32. Pp. 268-290.

Плискевич Наталья Михайловна

znplis@yandex.ru

Natalya Pliskevich

Senior Researcher, Institute of economics of the Russian Academy of sciences (Moscow)

znplis@yandex.ru

INSTITUTIONAL SCARS IN «FRONTIER» SOCIETIES

(Part 2. Institutional scars in the history of russian transformation and changes in value orientations)

Abstract. The article analyzes the consequences of one of the catch-up development economy strategies. This is attempts to catch up the rich countries with the help of modernization breakthroughs of the mobilization type. As a result, if the lag in the technological field is overcome to some extent, then in conflict this, institutional and especially cultural transformations inevitably lag behind, as they require deep changes in the social sphere and more time. Therefore, the introduced institutions that find themselves in an environment alien to them are distorted. Moreover, in the course of their deformation, they acquire properties that make it possible to strengthen the old institutional system. Institutional scars are formed in the social fabric of society. Such scars are not familiar to the countries of evolutionary development and require special attention in the course of further attempts at modernization. The first part of the work (VTE, 2022. No. 3) shows that for countries such as Russia, in the process of forming institutional scars, their very position as «frontier» states between civilizational formations of different types acquires an important role. The second part provides examples of the formation of institutional scars in the centuries-old history of Russia. The problems of the modern Russian institutional environment are considered in connection with the evolution of the value orientations of Russians based on the data of the European Social Survey. It is shown that the value structure of Russia in recent decades has changed significantly. On the one hand, it fits into the general European value picture. But on the other hand, the current policy and the institutions that support it contribute not only to the erosion of socially oriented values, but also to an increase in the share of carriers of individualism. Moreover, they are aggressive adaptive individualists, and not creative people who could reinforce the economic growth.

Keywords: *institutional structure, institutional scar, “frontier” civilization, modernization, mobilization spurt, society, value structure.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Плискевич Н.М. Институциональные рубцы в «пограничных» обществах (Часть 2. Институциональные рубцы в истории российской трансформации и изменения ценностных ориентаций) // Вопросы теоретической экономики. № 1. 2023. С. 60–82. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_60_82.

FOR CITATION: Pliskevich N. Institutional Scars in «Frontier» Societies (Part 2. Institutional Scars in the History of Russian Transformation and Changes in Value Orientations) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. No. 1. 2023. Pp. 60–82. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_60_82.